
Инна КИМ

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧНАЯ

Рассказ

I

«Первая встречная, люби меня вечно, люби меня вечно, люби меня вечно», — вдруг заорал прямо мне в правое ухо молодой мужской голос. Аж барабанная перепонка завибрировала!

Я вздрогнула.

— Вам эта песня тоже нравится? — незнакомая девчонка наконец-то убрала один из амбушюров своих наушников от моего уха (а второй вытащила из собственного). Воцарилась тишина.

Я недоуменно размышляла. Почему «тоже»? Разве я напевала про абсолютно неизвестную мне встречную или, может, попросила незнакомку дать послушать, что слушает она?

О чем вообще эта девчонка думает? Почему она плюет на мое личное пространство? Вот взяла и с бухты-барахты сунула свой дурацкий наушник в ухо чужой женщине, которая ей в матери годится!

В гневе я уставилась на девушку лет семнадцати, бессмысленно улыбающуюся, с копеечными белыми пластмассками амбушюров в руках. А она словно вся доверчиво поддалась навстречу моему взгляду.

— Ты кто? — сдалась я.

— Даша, — еще шире и доверчивее улыбнулась девушка, — А вам нравится моя водолазка? Я в ней чувствую себя такой важной, как будто я директор пекарни!

А! Вот она кто. Та самая Даша, которая «тут всех достала» и которую сегодня обсуждали две юные администраторши, распивая кофе. Девчонки так увлеклись, что не замечали меня, читавшую рядом книжку, и я поневоле узнала, чем именно Даша достала всех гостей и работников хостела, где я остановилась на время своей спонтанной питерской поездки.

А Дашиным провинностям, по мнению девочек-администраторш, не было числа. Во-первых, Даша была неряхой. А главное — шлюхой. И вообще странной. Признаться, нечаянно услышав, как они словесно линчуют незнакомую мне Дашу, я подумала, что девчонки, как это часто бывает, просто ей завидуют.

И вот теперь я внимательно разглядывала девушку, бесцеремонно вторгшуюся в мое личное пространство (ухо зудело до сих пор). Все-таки администраторши в чем-то

Инна Ким родилась в городе Осинники Кемеровской области. По образованию — учитель русского языка и литературы. Публиковалась в сборниках, а также в журналах «Новая юность», «Литература», «Сибирские огни», «Огни Кузбасса» и других. Член Союза журналистов России. Живет в Новокузнецке.

НЕВА 12'2023

были правы. Дашина странность бросалась в глаза. С этой ее бессмысленной блуждающей улыбкой она была как дурочка. Походила на Офелию после смерти отца.

Дашу было легко вообразить с цветами, в пышном платье, медленно погружающейся в воду. В общем, пред моими хмурыми очами предстала истинная дева кватроченто, чей тип оказался настолько мил братству прерафаэлитов, что они только его изображали.

Даша вообще сильно напоминала прерафаэлитскую Офелию. В основном, конечно, из-за гладко обтекающей ее кожи того неживого сметанного белого цвета, который кажется невероятно нежным. Что Данте Россети, что сам Джон Милле, автор знаменитой на весь мир картины, при виде этой девочки наверняка возбудились бы: овальное лицо, полуоткрытый рот, беспомощность и покорность распятого тела, безучастно бегущие отражения мира на прозрачной поверхности глаз.

Правда, в отличие от Элизабет Сиддал, которую восхищенные ее внешностью прерафаэлиты превратили не только в знаменитость, но и в наркоманку, а в конце концов и в самоубийцу, питерская Офелия не была ни рыжеволосой, ни кареглазой. Несмотря на белизну и нежность кожи, внешне Даша скорее оставалась обычной семнадцатилетней девчонкой со среднестатистической русской мордашкой.

И все же нечто неуловимое роднило неряшливо-русую сероглазую Дашу с рыжей музой прерафаэлитского братства, чей неверный Гамлет предал даже собственную надиктованную покаянным отчаянием надгробную клятву. О, да! На лице моей новой знакомой, хоть убей, явственно проступала печать, какой судьба помечает своих хороших жертвенных овечек.

Такие вот и становятся мишенями для школьного буллинга, домашнего насилия и маньяков. А еще она смахивала на героиню из японского порномультика.

У Даши совершенно отсутствовало критическое мышление, она доверяла всем. Девчонка работала в пекарне (этот факт и помог ее идентифицировать, когда мы впервые встретились). Она часто выходила в ночную смену, всегда приносила в хостел какие-то булки, спала прямо в общей лаундж-зоне, укрывшись затасканным местным пледом и воткнув в уши памятные мне амбушюры, везде оставляла недоеденные куски, которые зарастали нежной и пушистой бледно-зеленой плесенью. Фу!

Она липла и ласкалась к каждому, кто останавливался в хостеле. И цеплялась ко всем здешним мужчинам (поэтому-то администраторши, старше Даши всего на пару лет, презрительно ухмыляясь, называли ее шлюхой). Но я-то видела: Даша лезет к незнакомым мужикам, не по-женски, а по-детски взыскуя внимания.

Просто Офелия из питерского хостела была неприкаянной. Но это не вызывало у меня сострадания. Вернее, оно было смешано с брезгливостью. Уж слишком жалкой была Даша.

Худая и нескладная. С длинными тонкими ногами и шеей (как у жирафенка). Она неуклюже, неуверенно двигалась в пространстве, постоянно и неожиданно находя везде острые углы. Так что ее удивительную белую кожу покрывали разнокалиберные синяки.

А самым раздражающим в Даше была ее доверчивая и заискивающая улыбка городской дурочки. Девочка часто улыбалась и смотрела неизвестно куда. Тогда ее прозрачные глаза становились пустыми и плоскими, как зимняя Фонтанка.

— Ты чего? — выдергивала я дурочку-Офелию из непонятных миров, где она прямо сейчас блуждала (как и ее отрешенная улыбка).

Даша возвращалась в реальность и тут же задавала очередной вопрос, вызывающий у меня недоумение пополам с раздражением. О, нет! Она была наивной до медицинского идиотизма.

В хостеле, где я остановилась, постоянно проживали три девушки — Даша и две невзлюбившие ее администраторши. Девчонки появились здесь практически одновременно. Причем Дашины антагонистки приехали в Питер поступать и даже поступили (правда, одну из них позже отчислили).

Вообще, в переделанной квартире рядом с Невским собралась разношерстная компания. Туристы. Командировочные. Гастарбайтеры. По большей части это были молодые люди. Но встречались и студенты, если не школьники (в основном нестеснительно обжимающиеся в лаундж-зоне парочки, которые ускользнули из-под надоевшего родительского надзора).

Что касается персонала, то самой «старой» была уборщица-армянка лет тридцати. Она, единственная, кого я помнила по своим прошлым приездам в Питер. Раньше в хостеле работали словоохотливые женщины за пятьдесят, «понаехавшие» в город на Неве еще во времена СССР. Они, советские ленинградки, все были неувольнимо похожи, как сестры, откуда бы ни приехали сюда когда-то. И бывшие сибирячки, и бывшие узбечки за промелькнувшие питерские десятилетия приобрели одинаковые местные лоск и высокомерие давно приезжих. Помню, пока шли новости про военные действия на Украине, одна из них эгоистично вздохнула, что теперь не поехать в Финляндию за хорошим сыром.

Но в этот раз на рецепшене сидели девчонки не старше двадцати, даже не пытавшиеся скрыть надменности своего возраста. Я и на себе ловила их презрительно-насмешливые девчоночьи взгляды (за то, что общаюсь с Дашей и что я ровесница их матерей). Правда, потом администраторши вспоминали, чему их учили корпоративные коучи на вебинарах, и начинали щебетать: желали хорошего дня, хвалили мои духи. Очень хотелось хорошенько их отшлепать!

Как-то они устроили приезжему пожилому узбеку трепку за храп. Студентка настаивала, чтобы он переселился подальше от капсулы, которую занимала сама. Отчисленная поддерживала подружку. Двадцатилетки напирала. Обиженный старик растерянно отбивался (он на удивление чисто говорил по-русски).

— День сегодня не заладился, — пожаловался узбек, поймав мой сочувствующий взгляд. — Сыну не дозвонился, он в Донбассе живет. Самое страшное — где-то важный документ потерял, надо ехать, искать, — старик вздохнул. — Ну разве я виноват, что храплю?

II

Я много гуляла. Шла пешком по Невскому, пока не упиралась в Неву. Она была как грязный алмаз в оправе набережных. У свинцового края широкой полыньи застыли диковинными перьевыми шарами-канопами утки. Кололся и жалил ледяной дождь. Это был странный январь. А может, и обыкновенный — я впервые была в Питере зимой.

Во льду каналов пугающими чудовищами отражались деревья. На пешеходных переходах колыхался морок табачного дыма (в Питере курят и продают курево повсюду, даже в витрине магазина «Все для рукоделия» выставлены сигаретные пачки и вейпы).

Январский Питер старательно сводил меня с ума, то удлиняя, то укорачивая одни и те же улицы, по которым я ходила. Иногда, срезая путь, я заскакивала в неожиданно вынырнувший переулок-портал и уже через минуту оказывалась там, куда бежала: под сложенными крыльями спящего Казанского собора-птеродактиля или в расположенном солнцем и облаками Ботаническом саду, где моя неуверенная тень растворялась в тенях-ветках гигантской праматери-ольхи с корой будто из застывшего серобурого пластилина.

А бывало наоборот: я спешила по знакомой хоженной-перехоженной улице и никак не могла найти нужный поворот и вообще ничего не узнавала вокруг. На моем пути вдруг выростали здания, скверы, каналы, которых раньше я здесь никогда не встречала (и больше никогда не видела их потом).

Меня охватывал леденящий ужас, как при сонном параличе. Я чувствовала свою беспросветную непоправимую беспомощность и электрически покалывающую вязкость окружающего мира, засасывающего меня в черную дыру абсурдистского чистилища-сна.

Впервые в этом городе я оказалась в семнадцать лет, приехав поступать в Ленинградский университет. В длинном сумрачном коридоре-тоннеле я познакомилась с мальчиком (тоже приедем и семнадцатилетним). Провалив историю, мы гуляли на Васильевском, у Невы, взъерошенной расческой металлически поблескивающего холодного летнего питерского дождя, от которого мои руки совсем заledenели.

А вот лицо наоборот словно кипело: мальчик уговаривал меня переждать непогоду у его друзей-студентов. И хотя я никуда не пошла, но будто въяве увидела: бутылку недопитого вина на накрытой газетой табуретке; глаза мальчика надо мной, приближающиеся и сливающиеся в одно странное сияющее око.

Согревая мои мокрые пальцы, знакомый щекотно на них дышал, скучно объясняя, как он придумал зацепиться в Питере, сдав документы на какой-то факультет, связанный с землей, где проходной бал был смехотворно низкий. Ну как он мог!

А если я никуда не уезжала? Пошла с мальчиком в студенческую общагу, поступила на землеустроительный факультет, осталась в Питере? Забеременела еще на первом курсе и жила с юным мужем в питерском сыром подвальчике, пеленая нашего первенца на шатающемся желтом столе со вспухшей и облезшей полировкой?

...А если я сюда и не приезжала семнадцатилетней?!

Подобные мысли, что моя жизнь не реальнее сна, а настоящая я живу в другом месте, времени и даже теле, мне хорошо знакомы. Если честно, они не лишены притягательности. Я и сама их неоднократно вызывала, глядя на горящее в темноте чье-то окошко (интересно же, а что было бы, если бы я была не я и прямо сейчас занималась чем-нибудь таинственным и обыденным по ту сторону этого окошка). Но в Питере такие искушающие образы меня изводят, обрушиваясь какофонией чужих воспоминаний, в которой трудно поймать, ощутить, расслышать что-то внятное.

Вчера я шла по вечерней набережной: справа от меня сквозь серый лед и желтеющие нечистоты проступала, как кровь из нагноившегося шрама, Фонтанка; слева угрожающе темнела река домов. И тут мой взгляд наткнулся на большое, ярко освещенное окно какой-то галерейки с двумя женщинами внутри. У той, что постарше, было короткое и прямое иссиня-черное каре, кончиками которого, казалось, можно резать бумагу. Она что-то втолковывала младшей.

Вдруг меня осенило: старшая — это я! Машинально пытаюсь воссоединиться с собой, которую встретила, в общем-то, случайно, я зашла в галерею; та пахла свежей штукатуркой, дождем, пустотой. Я словно спала наяву: листала рисунки, хаотично разложенные на подоконнике, стоя спиной к себе (со смоляными ножами-кончиками), которая рассказывала молодой художнице о концепции будущей выставки. Это было немного страшно, но больше весело. И когда женщины распрощались, я пошла след в след за черноволосой устроительницей выставок.

Она меня не замечала. И неудивительно: кто обращает внимание на собственную тень. Преследование окончилось у нее (у меня?!) дома: я сняла туфли, накормила кота. И наваждение рассеялось.

Куда хуже было быть мальчиком. Лет пяти? Восьми? Я не знаю. Его воспоминания в моей голове не хранили сведений о возрасте. Они вообще казались сильным дождем за окном: расплывались и сливались в шевелящийся и бликующий поток (от этого начинала нестерпимо пульсировать и взрываться голова). Но откуда-то мне было известно (приснилось? придумалось?), что я-мальчик жила в советском Ленинграде тридцатых годов.

Помню огромную квартиру, превращенную в коммуналку, стоящую на львиных лапах-ножках сверкающую белоснежную чудо-ванну, куда била звонкая вода и куда я очарованно заглядывала, держась за бортики. А самое жуткое — перекошенные иудиными улыбками лица то ли родственников, то ли соседей. Еще помню, как я умерла. Будто в комнате выключили свет.

Может, поэтому меня до смешного пугает метро, какого тот мальчик никак не мог видеть. А крутящиеся игрушки в магазинах Абрикосова и Елисеева по-детски завораживают.

Когда я иду по городу, я узнаю его и не узнаю, словно вернулась домой после долгой разлуки и смотрю на все вокруг тоскующими чужими глазами. Часто я ловлю себя на цепком ощущении, что сквозь современный облик Питера проступают его истинные улицы. Тогда отчаянно хочется содрать не дающий разглядеть их морок, как пошлую бумажную маску и как собственное лицо, под которым — я уверена — совсем другие глаза, губы, нос.

Только на Финском заливе мне становится легко и пусто: все виденные мною моря сливаются в одно гигантское протоморе, все слышанные мною волны создают единый протошум. И если кто-нибудь поднес бы прямо сейчас мою голову к своему уху, то он отчетливо услышал бы наполняющий ее осторожный плеск.

Повинуясь порыву, я махнула из Парка трехсотлетия Санкт-Петербурга на остров Котлин, где до этого не была ни разу. В автобусе напротив сидела общительная почтальонша, не выпускавшая мобильника ни на минуту.

— Час-два, и я дома, — похвасталась она и сразу же, без перехода, нахмурилась. — Самое тяжелое — пенсию разносить. Главное, чтобы бабушки не скандалили, а то начальство не разбирается, ему плевать, штрафует, и все.

От скандальных пенсионерок и несправедливых штрафов моя попутчица-визави перешла на личную жизнь неведомой «кысаньки», с которой беззастенчиво трепалась по телефону. Похоже, та остро нуждалась в мудрых советах почтальонши.

— Вот ты дура, тебе же ребенка поднимать! — добродушно увещевала она. — Ну помурыжила бы его, попользовалась. А параллельно другого искала бы.

Выйдя из автобуса на небольшой площади, я безошибочно двинулась к морю.

Трехэтажный Кронштадт приветливо улыбался мне морщинами голых дворовых деревьев, разноцветно кивал детскими качельками. В груди кольнуло узнаванием, тревогой, жалостью: в гуще веток белела разрисованная граффити трансформаторная будка; рядом подслеповато шурилось окошками облупленное желтоватое зданище. В таком же доме жила бабушка... Чья? Моя?!

О сонных занавесках в бабушкиной комнате и что из трансформаторной будки, когда к ней подходишь, раздается рассерженное гудение, будто там ворочается электрический улей, мне сообщил голос в голове. Он вообще оказался заботливым. То и дело подсказывал, когда я скользила вокруг растерянным взглядом, цепляясь за незнакомые серые силуэты в чужом зимнем дворе: «Это граб», «Это вяз».

Наконец голос уверенно заявил: «Иди туда, море вон там». И хотя сначала я не поверила и по дороге переспрашивала правильное направление у редких прохожих, го-

лос не ошибся: минут через двадцать я вышла к заставленной кораблями шипящей свинцовой полосе. Правда, «Кронштадтское» море не оправдало моих надежд, оно было перегорожено вдоль и поперек, а там, где подход к нему оставался свободным, пахло железом и соляжкой.

На автобус в город я возвращалась мимо местного миниатюрного парка, зарешеченного низкой чугунной оградкой с якорями. На запятнанном листьями газоне сидел нахохлившийся черный меховой шар. Кот поднял на меня немигающий инопланетянский взгляд и, поразмыслив, равнодушно закрыл глаза.

Среди деревьев мне все время мерещились люди, но — когда я приглядывалась — в приморском парке не оказывалось никого. Это немного пугало. Вдобавок закружилась голова. Перед самым отъездом я зашла в Никольский морской собор, где огоньками фарватера горели люстры.

Беззубый питерский дождик висел серой водяной пылью над блестящей набережной и матовыми оконцами Невы. На реке темнели отчетливые пятна — там сталкивались ветры. Темное чередовались со светлым — лагунами тишины.

Замерзший промоутер подскочил, как дворняга, на которую посмотрели. Сунул листовку с экскурсиями. Заученно оттарабанил рекламный текст. Вымученно улыбнулся.

— А вы знаете, что в восемнадцатом веке на Фонтанке жил слон-алкоголик? — не отставал мужчина. — Его Петру Первому подарил персидский шах Хуссейн. Слона привезли по Каспийскому морю в Астрахань на корабле. А оттуда он пешком топтал в Санкт-Петербург. Ну а чтобы не замерз по дороге, его поили вином. Вот слон и пристрастился к алкоголю.

Недоверчиво хмыкнув, я обогнула общительного питерца и, смяв в колючий комочек рекламку, кинула ее в ближайшую урну, возле которой меня настиг новый промоутер. Я и не запоминала, что он предлагал. Честно говоря, за те три дня, что я носилась по Питеру, бесконечные промоутеры, музейные работницы и администраторы слились в какой-то гремячий мутный поток.

Если подумать, все это время меня окружали улыбчивые маски, которые так же подходили на людей, как нарисованные на бумаге. Они были старательно, неестественно человеческими, эти маски. Но если не глядеть на них прямо, сквозь тонкую бумагу проступали настоящие лица: усталые, безучастные, немного раздраженные, замерзшие и равнодушные. Да у меня самой было такое же лицо под доброжелательной маской.

Гуляя в одиночестве по Васильевскому, я наткнулась на странные подъездные двери, они были большие, деревянные и очень старые, как будто даже старше старого дома, чей возраст был никак не меньше двух сотен лет. Мне нестерпимо захотелось дернуть за дверную ручку и войти. Аж внутри заныло. Но на двухсотлетней двери стоял новенький домофон, чипа от которого у меня не было, да и быть не могло.

Почему-то казалось: если я перешагну порог странной двери — смогу попасть в любую точку мира, нет, вселенной. И что этой двери совсем не двести лет. Я не удивилась бы, узнав, что она ровесница мироздания. А на Васильевском дверь-путешественница, вообще-то, оказалась случайно. Скользила между мирами и решила передохнуть под размеренный метроном Невы.

Нечаянно ловлю отражение в окне расположенной по соседству кафешки... На меня смотрит озадаченное и испуганное женское лицо... Не мое! С детства меня преследовал страх, что я иду или еду не туда; я смотрела по сторонам и ничего не узнавала. А теперь я не узнавала себя. Из урн торчали сломанные зонтики — на Питер обрушился ураган, он вырывал зонты из рук, облеплял и закручивал лица шарфами (как заправский маньяк-душитель), уносил шляпы, сбивал с ног. Внезапно стало так тяжело

и непроглядно, словно с неба наотмашь ударила тысяча тонн мокрых простыней. Вечером на Неве началось нагонное наводнение.

III

Не придавая тому значения, я постепенно подружилась с Дашей. Произошло это случайно, без особого желания с моей стороны. Все-таки между мной и хостельной девчонкой не было ничего общего, о разнице в возрасте я вообще молчу. Нам нравилась разная музыка, и в трепет нас приводили непохожие вещи. Вернее, я и понятия не имела, что трогает питерскую Офелию, хотя она и слушала, загадочно улыбаясь, мои пространные рассуждения о Шекспире и прерафаэлитях. Но Дашины глаза оставались прозрачными и при этом непроницаемыми, не имеющими глубины.

На губах Офелии играла слабая улыбка. Она опять где-то витала — будто скользила по воде, в мокром пузыре вздувшегося платья.

И о чем эта девчонка думает?! Загадка.

В конце концов я и шагу не могла ступить по хостелу, чтобы рядом мгновенно не возникла Даша (если в это время она не была в пекарне или не спала). Она брала в руки и рассеянно рассматривала то мою сумку, то телефон, то электронную книжку. Брызгалась без спросу моими духами. По-собачьи заглядывала в мои глаза. И вообще старалась оказаться максимально близко. Меня же от такого вторжения брала неприятная оторопь (я вообще не люблю, когда в моем личном пространстве оказываются посторонние).

Первое время девочка в основном молчала, если не считать нескончаемых вопросов, раздражающих меня своим ребячеством, которое граничило с идиотизмом. Честно говоря, порой хотелось настучать Дашку по голове!

— Ой, а у вас тут седина! — придвинувшись вплотную, она вдруг легко касалась моих волос, предательски поблескивающих на висках. — А почему вы не краситесь? — и тут же «перескакивала»: — А я хочу покраситься в какой-нибудь цвет, но не знаю в какой. Может, в розовый? Как вы думаете, мне пойдет?

Говорить о чем-то одном больше минуты Даша не могла. В досужие воспоминания о прошлой жизни не пускалась. У меня даже разыгрался спортивный азарт — захотелось выяснить о хостельной деве кватроченто побольше. Я начала расспрашивать Дашу при любой возможности и вскоре знала о ней все.

Неприкаянная девочка родом была из Ленинградской области, жила в маленьком полугородке-полупоселке. Отца Даша не помнила. Мать-алкашка за дочкой абсолютно не смотрела, так что она лет с двенадцати ходила по рукам. Офелию били, тушили об нее бычки, заставляли раздеваться на камеру телефона за шоколадный батончик. Рассказывая о детстве, Даша ничуть не менялась в лице, ее голос звучал обыденно. Словно ничего особенного с ней не происходило.

— Дядя Слава, вообще-то, добрый был, — вспоминала Даша о сожителе-наркомане, подобравшем ее чуть ли не в тринадцать лет, — он мне деньги на еду давал. Только как примет, совсем неадекватный. Однажды схватил меня и за ногу с балкона подвесил. Я уж с жизнью попрощалась, так страшно было! А дядя Слава очухался и в комнату меня втащил.

Судя по всему, взрослый наркоман, а «дяде Славе» было за тридцать, оказывал девчонке своего рода покровительство. Даше у него нравилось, тем более что окружающая грязь была не хуже того бомжатника, в который Дашина мать-алкашка давно превратила собственную жизнь. Впервые девочку никто не обижал (кроме самого Славы, когда он перебирал с дозой).

Откуда ее сожитель брал деньги на наркотики и еду — Даша не знала и не интересовалась. Изредка она делила с «дядей» постель, но их отношения по большому счету строились в плоскости иных отношений — то ли отца и ребенка, то ли хозяина и его домашнего животного. Дашу все устраивало, так что передоз ее опекуна стал для девчонки неожиданной и страшной потерей (далеко не первой в короткой Дашиной жизни).

— Прикинь, я прихожу, а дядя Слава уже синий, — в Дашином голосе слышалось искреннее горе. — Ну я, конечно, испугалась и убежала.

Когда Даше было семнадцать, ее подобрал Дима (художник из Питера). Как он оказался в Дашином поселке — я так и не поняла. Представляю, как он изумился, обнаружив на местной помойке прерафаэлитскую модель. Дима целыми днями рисовал девочку, а иногда с ней спал. Даша обрадованно ластилась к приезжему, бегая за ним бездомной собачонкой. А когда Дима собрался домой — увязалась за ним. Он не возражал. Так дева кватроченто поселилась в Диминой мастерской, где хозяйкой была некая Алена.

— Дима такой добрый был, и Алена тоже! — захлебывалась приятными воспоминаниями девочка-Офелия. — Они пиццу каждый день заказывали! Алена ребеночка ждала, только не от Димы, а от их друга Тимы, они все вместе в Израиль на ПМЖ собирались, и Алена обещала мне свои платья подарить.

Я невольно улыбнулась:

— Подарила?

— Не-а, — тоже разулыбалась моя визави (Даша постоянно копировала мои эмоции).

Выяснилось, что месяца через два добрая Алена выставила Дашку на улицу. Матриарх странной троицы застала малолетку то ли с мужем Димой, то ли с любовником Тимой (благодарная девочка на всякий случай трахалась с обоими). Хотя это мог быть всего лишь удобный предлог, а на деле Алене просто надоело играть с приبلудной Офелией. Сама Даша не связывала секс с Алениными мужчинами и свое последующее изгнание из рая питерской мастерской, где за нефиг делать кормили пищей.

Ни Дима, ни Тима за семнадцатилетнюю дурочку не вступились, и Даша пошла куда глаза глядят. Она нисколько не расстроилась. Шла, с любопытством глаза по сторонам и жуя пышки (на прощание Дима, а может, Тима сунул девочке сотню, как раз хватило на три). Она ни о чем не думала. Мимоходом Дашин взгляд зацепился за объявление на фонаре: «Ищу личную помощницу». Девочка позвонила по напечатанному на бумажке телефону.

На встрече с новоявленной личной помощницей пришла полная представительная дама — «Ну как ты, тоже немолодая и добрая, только потолще и в шляпе», — которая искала дешевую сиделку для престарелой матери в маразме. «Анамнез» старушки был отягощен наличием двух пожилых тучных мопсов, которых тоже приходилось ежедневно прогуливать и кормить. За это дама кормила Дашу. Вдобавок девчонка получила бесплатную крышу над головой.

— У Веры Владимировны было круто! — радостно поделилась Даша. — Мы в карты играли, пили чай с пирожными, которые дочка Веры Владимировны приносила ну почти каждый день! И Бусинке с Василисой давали, они такие потешные!

Однажды ночью в голове Веры Владимировны что-то перещелкнуло, и она стала душить спящую Дашу. Уж что померещилось бедной маразматичке — неизвестно. Только она взялась за Дашино удушение со всей старушечьей силой.

— Я ее прям не узнала, — Даша возбужденно и даже горделиво сияла, словно произошедшее было невесть каким крутым событием, — Вера Владимировна такой жуткой стала, как будто в ужастике!

Девчонка еле отцепила обезумевшую старушку от себя и сиганула в окно (то находилось на втором этаже). Остаток ночи Даша провела в подвале, где местные малолетки распивали химозные коктейли.

Теперь Даша ночевала в подвале, а днем слонялась по улицам. Когда хотела есть — заходила в первую попавшуюся питерскую кафешку и пристраивалась рядом с теми, кто там ел. Одни оставляли недоеденный обед, другие специально пробивали на кассе какую-нибудь булочку или пирожок, угощая голодную девчонку. Были и такие, кто Дашу игнорировал или даже раздражался, с матом отсаживаясь от назойливой побирושки.

Как-то Даша присела за столик, за которым обедал благообразный старик в черном пальто. Ел он по-стариковски неаккуратно: неуместное толстое пальто (было лето, пусть и питерское) пачкали разнокалиберные крошки и пятна, капуста из столовского борща и сахарная пудра с пышек. У дедушки были странные глаза — темные плоские кружки зрачков двигались, как маятники в часах. Даже Даша поняла, что он сумасшедший.

Заметив напряженный Дашин взгляд, старик подвинулся на пустой соседний стул и приглашающе кивнул девочке. Та подскочила и схватила ложку. Они ели вместе, молча (оголодавшая Даша торопливо жевала и глотала, а городской сумасшедший смотрел на нее с рассеянной покровительственной улыбкой). Когда обед закончился, старик неожиданно крепко схватил Офелию за локоть и повел за собой.

Жил он прямо на Невском, в холодной странным каменным холодом квартире, которая показалась девочке громадной, как дом. Единственное, что чокнутый хозяин не разрешал подобранной им Даше, — заходить в его кабинет. Она пробиралась туда тайком, с заранее виноватым видом. В луче солнца висели золотинки пыли — будто на невидимых ниточках. На подоконнике кудрявилась фиалка. Подмигивал зеркальными бликами шкаф с незнакомыми книжками. Старик читал, сидя на диване и водрузив на нос массивные очки. Когда он обнаруживал рядом Дашу, то лицо у него становилось сердитым.

А иногда он сам звал Дашу, и она чувствовала абсолютное счастье, уютно свернувшись дворняжкой-калачиком рядом со стариком. Часы-ходики, походившие на его глаза, постукивали длинной металлической ногой.

Неожиданно в Дашиной туманной голове вспыхнуло воспоминание: такие же настенные часы, непереносимо шурша, шли в бабушкином доме, когда Даша была совсем маленькой, и мать привезла ее погостить в чужой город. Внутри шевельнулась сладкая тоска, как будто девочка попала в шелку времени, откуда не выбраться. Минутная стрелка медленно ползла по золотому кругу — и ничего не менялось. Так же сонно колыхался кисель пойманного (и похороненного) дня.

И жили они долго и счастливо, но однажды Дашин дедушка уснул и не проснулся.

Тут же в квартире на Невском появились многочисленные пожилые и молодые родственники покойного. Даша ушла ночевать в знакомый подвал.

Вернулась она спустя три дня, хотя идти на похороны дедушки ей совсем не хотелось. Так что Даша поминутно спотыкалась и останавливалась, мечтая плюнуть на все и сбежать, но почему-то все-таки не сбежала. На лестничной клетке рядом с квартирой стояла высокая, красная с черными кружевами крышка гроба. Даша растерянно потопталась рядом и перешагнула порог.

Она оказалась одна среди незнакомых мужчин и женщин, которые постоянно перемещались из комнаты в комнату. К девочке никто не подошел. Может, родные старика были так расстроены, что ничего не замечали вокруг. Даша села у изголовья гроба, и внезапно ее словно прорвало: по нежному белому лику девы кватроченто полились слезы. Она плакала-плакала, не осознавая этого. И все время девочку словно обнимало какое-то мягкое тепловатое облако.

— Это дедушка со мной попрощался! — уверенно заявила Даша и покосилась на меня, проверяя, верю я или нет. — Ну как в «Битве экстрасенсов», знаешь?

Я не смогла добиться от Даши, какое тогда было время года. Она помнила только, что надела единственное свое черное платье (в мелкий голубовато-белый горошек). Значит — холодно не было. Но сверху Даша застегнула на все пуговицы подаренный Аленой толстый драповый красный жакет — выходит, было не тепло. После смерти старика Даша устроилась на работу в пекарню и начала жить в хостеле. А через три с половиной месяца здесь на несколько дней остановилась я. Выходит, дедушка умер где-то в октябре.

IV

То была первая зима, которую я встречала в Питере, и знакомое томление, неизменно охватывающее меня в этом городе, было особенно тревожным и печальным. Из меня будто высосали душу, лишили всех сил. Но одновременно я чувствовала подспудное непроходящее возбуждение, толкающее меня безостановочно двигаться по питерским набережным и улицам. Хотелось рухнуть в беспробудный сон и при этом пробежать пешком до заледеневшей и пустой, стеклянной тишины Севкабеля. Так странно. Так приятно и больно.

По правде, я ни за что не оказалась бы в Питере в январе, как и все нормальные люди предпочитая здешние прогулки если не летом, то в октябре или, даже лучше, в мае, но по случайности получила приглашение на местный театральный фестиваль. Не знаю, какое искушение было сильнее — попасть на правах «своей» в театральную тусовку, которая, признаться, меня манила, тем более что до сих пор она оставалась недоступной, а может, вновь увидеть волнующий город. В любом случае я была разочарована.

Зимний Питер оголил и рвал мои нервы. Я испытывала невыносимый холод, поселившийся в моих отсыревших костях. Мои глаза болели от всех оттенков серого цвета, отражающихся и безумно пляшущих на сетчатке. А прогулки приносили не умиротворение, а саднящую неудовлетворенность. Томление нарастало, а возбуждение никак не заканчивалось экстазом.

Театральный фестиваль, от которого я столько ждала, был обычным, даже рутинным. Люди из манившего меня таинственного мира оказались фальшивыми, связанными скучными зависимостями (например, алкогольной), давними сексуальными интрижками, бытовыми рекламными и денежными отношениями. Со мною все были вежливы — и ничего больше; я явно была здесь лишней.

От стылого и беспросветного своего одиночества (серого и холодного, как плоское зимнее здешнее небо) я позвонила знакомой, давно перебравшейся в Питер. Кажется, она искренне обрадовалась.

Ни в один из моих прошлых приездов мы не встречались. Видимо, я не на шутку затосковала, раз решила нарушить собственное негласное правило не видаться с людьми, с которыми давно разминулась. Ну что мы могли друг другу дать? Воспо-

минания, которые ничего ни для кого уже не значили? Сумбурный или, хуже того, подробный пересказ событий, интересных только тем, с кем они произошли, и вообще не касающихся меня?

— А я ведь замуж вышла за немца, живу в Германии, — до смешного оправдывая мои ожидания, с ходу пустилась в откровения знакомая.

Все это я прекрасно знала из соцсетей, где мы с ней «дружили». Я даже не без удовольствия регулярно лицезрела пряничные окрестности старинного немецкого городка, пригранично-живописно расположенного рядом со Швейцарией и Францией. Они, эти праздничные виды, походили на вкусно пахнущие путешествиями маслянистые почтовые открытки, полотна Брейгеля Старшего и игрушечное содержимое уотерболлов одновременно. Казались ненастоящими. Расслабляли, унося в далекие детские сны.

— Так удивительно совпало! — продолжала транслировать энтузиазм моя знакомая, в общем-то случайно оказавшаяся в эти дни в Питере (она прилетела встретить Новый год с пожилой матерью, которую несколько лет назад перевезла в Питер, а вот до пряничного немецкого городка не довезла, да повидать формально оставшегося с отцом старшего ребенка). — А ты веришь в совпадения? Я стала верить... Представь! У нас с мужем даже даты рождения одинаковые, и развелись мы в один день, и у обоих по два ребенка, первыми родились сыновья, а вторыми дочери.

Почему-то эти житейские мелочи особенно ее радовали. Она вообще делилась подробностями своей жизни с видимым аппетитом, как будто прямо на моих глазах ела что-то очень вкусное. Причем о своей схожести с мужем, его престарелых родственниках, новых бытовых ритуалах, появившихся после переезда в захолустный пограничный городок чужой страны, местных красотах и собственных детях знакомая рассказывала, не меняя воодушевленной восторженности голоса и лица.

— Делать там, конечно, нечего, ни театра нет, ни захудалой галерейки, жители все пенсионного возраста, так что получается лишь гулять и любоваться видами, — честно призналась она и вдруг широко улыбнулась. — Я бизнес придумала — экскурсии для русских. Там такие маршруты обалденные, даже не представляет никто! Швейцария, Франция и Германия в одном месте! — Так же внезапно лицо знакомой сморщило облачко озабоченности. — Но только все оформила и первые заказы пошли, как началась пандемия. А потом — спецоперация. — Тревожное облачко мгновенно развеялось. — Хотя приезжих русских хватает. Думаю, скоро буду расширяться.

Выйдя замуж в Германию, знакомая забрала с собой маленькую дочь, голубоглазую принцессу с ямочками на смешливых щечках, которая быстро адаптировалась к чужеземной стране и жизни. А принц — сын-подросток Даниил — жил то у отца, то у бабушки. Правда, у первого были другая семья и новый ребенок, а у второй — подагра и властный характер. Похоже, питерский Гамлет был не особо кому-то нужен.

Хотя мать им по-своему гордилась: в детстве мальчик был необыкновенно талантлив, блистал в детской театральной студии и даже играл юных героев в одних спектаклях с еще живыми легендами советского театра. Но после школы (неожиданно для всех) принц поступил не в Щепку или в Шуку, а выбрал обычный технический университет, где учили на инженеров. На «ахи» и «охи» родных он хладнокровно отвечал, что не хочет в будущем прыгать вокруг елки в костюме Деда Мороза.

Я понимала: хостельная Офелия и Гамлет-студент живут в абсолютно разных мирах. Ну ничего общего! Наивная и неразвитая бродяжка Даша знает и голод, и побои, а любое внимание к себе считает за доброту. У не по годам разумного Даниила нет недостатка в родных, искренне его любящих и снабжающих карманными деньгами. И все-таки мой внутренний голос — знаток вязов — саднил и свербел: эти дети оба безнадежно, неизбежно неприкаянны.

Признаюсь, утешая свою совесть, я воображала, как мальчик и девочка, одни в большом холодном городе, однажды случайно столкнутся, чтобы спасти друг друга. Вот только в реальности этого никогда не случится. Просто не было путей, которые привели бы одного к другой. Я воочию видела, как бесприютную Офелию уносит река встреч с «добрыми» людьми, которые в конце концов утянут деву кватроченто на дно. А талантливого Гамлета проткнет и отравит острие одиночества.

Распрощавшись со знакомой, лучшейся понятным Гертрудиным счастьем, я шла по Невскому, привычно скользя по миру глазами, ищущими единственную дверь, которая ведет в любое намечтанное будущее. И вдруг споткнулась, подорвавшись на знакомых строчках: «Первая встреча, люби меня вечно, люби меня вечно, люби меня вечно». Аж барабанные перепонки завибрировали!

Рядом с музыкальным магазинчиком веселые мальчишки с разноцветными стрижками наяривали на электрогитарах любимую Дашину песню. Другие мальчишки и девочки, доселе незнакомые, останавливались и жадно примагничивались к азартно поющим. Позабыв, куда они только что спешили, взволнованные мальчишки и девочки, первые встречные, стояли плечом к плечу, бросая друг на друга робкие, предвкушающие, улыбающиеся взгляды.

Я тоже улыбнулась — шире Невы и даже шире Финского залива! Теперь я верила, нет, я была уверена: Офелия и Гамлет обязательно встретятся.